

Рецензии

Ху Аньган. Мозговые центры нового типа с китайской спецификой: взгляд Ху Аньгана [Чжунго тэсэ синьсин чжику: Ху Аньган дэ гуань-дзянь] Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2014. 252 с.

Новая книга известного китайского ученого, почетного доктора ИДВ РАН Ху Аньгана¹ посвящена проблеме создания в Китае современных влиятельных мозговых центров. Внутри страны эта тема привлекла к себе повышенное внимание после того, как в апреле 2013 г. Си Цзиньпин дал указание создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой». Именно эта формулировка дала книге название, переведенное на обложке как «New Think Tank with Chinese Characteristics».

Китайский лидер распорядился поставить развитие мозговых центров на уровень высоты государственной стратегии и рассматривать их деятельность как важную составную часть «мягкой силы» государства. Иными словами, исследовательские структуры являются не только источником аналитических материалов для властей страны, но также инструментом влияния на общественное мнение за пределами Китая. Си Цзиньпин указал на «относительное отставание» развития китайских мозговых центров, которые должны играть более активную роль. Чтобы подчеркнуть новизну поставленных задач, партийно-государственный лидер призвал создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой», искать для них подходящие организационные формы и способы управления, укреплять механизмы их собственного развития ради того, чтобы они были в состоянии оказывать власти «высококачественную поддержку в научном принятии решений». Ху Аньган в своей книге отметил, что после выступления Си Цзиньпина китайские мозговые центры вступили в эпоху расцвета «ста цветов» и многообразия «ста школ» (С. 5).

В мае 2013 г. китайский вице-премьер Лю Яньдун выступила на совещании, посвя-

щенном созданию «мозговых центров нового типа». Она указала на их роль в обеспечении научно обоснованных и демократических решений партийной и государственной власти, в решении неотложных проблем развития, повышении «мягкой силы» Китая. Примечательно, что в этом выступлении было сказано о развитии мозговых центров как коммерческой отрасли (*чжику чанье*) и «создании рынка идей». В ноябре 2013 г. в постановлении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва была поставлена задача «усилить строительство мозговых центров нового типа с китайской спецификой, создать прочную систему консультирования при принятии решений»².

О важности «мыслительных центров» (*сысянку*) в Китае на официальном уровне говорили и прежде, однако в 2013 г. обсуждение проблемы стало комплексным и целенаправленным. Также следует обратить внимание на перемену в терминологии — использование *чжику* вместо *сысянку* подчеркивает накопление в исследовательских центрах «мудрости»-*чжи*, а не «идей»-*сысян*. Журнал «Ляован дунфан чжоукань», вынесший тему «мозговых центров» на обложку № 6 за 2014 г., заметил, что внимание со стороны руководства стало настолько значительным стимулом для развития этих структур, что 2013 г. называли «годом мозговых центров Китая». В СМИ появилось много рассуждений о том, каким образом китайские «мозговые центры» могли бы обрести собственное лицо и преодолеть отставание от аналогичных американских структур.

Исходной точкой книги Ху Аньгана стала история успеха Института изучения национальной специфики (*Гоцин яньцзю юань*) Университета Цинхуа — мозгового центра, ко-

торым ныне руководит сам ученый. С опорой на собственный опыт автор рассказал о том, как происходило развитие этой влиятельной исследовательской структуры, связанной с одним из наиболее известных и престижных высших учебных заведений страны. В аннотации отмечается, что обращенность к китайской реальности является главным отличием книги от увидевших свет в КНР многочисленных публикаций, рассказывающих о мозговых центрах США и других зарубежных стран.

Опыт работы исследовательского колледжа с участием Ху Аньгана насчитывает без малого три десятилетия — в 1986 г. появилась группа анализа национальной специфики АН Китая, в 2000 г. был создан совместный исследовательский центр АН Китая и Университета Цинхуа, в 2012 г. его статус был повышен до уровня исследовательского института. Большую известность обрел выпускаемый научным коллективом с февраля 1998 г. «Доклад о ситуации в стране» (*Гоцин баогао*). Ежегодно центр готовит десятки адресованных высшему руководству докладов, содержащих анализ китайских проблем и рекомендации по их решению. К концу 2013 г. общее число докладов составило около 1,3 тыс. Собрание «Гоцин баогао» за 1998–2011 гг. было опубликовано в 2012 г. — это солидное издание из 14 томов (27 книг), представляющее несомненный интерес для зарубежных исследователей современного Китая.

По мнению Ху Аньгана, аналитические центры должны органичным образом соединять функции «понимания Китая», то есть изучения страны, и «проектирования Китая», то есть формирования государственной политики (С. 4). Исследования должны носить независимый и опережающий характер, они должны быть специализированными, но при этом использовать знания из других областей. Приоритетными являются работы, нацеленные на решение крупных проблем, способных оказать существенное влияние на долгосрочное развитие Китая. Благодаря эффекту масштаба огромного государства хорошие предложения китайских мозговых центров приносят народу ощутимую пользу, способствуют прогрессу общества, делают государство сильнее и богаче (С. 45). На страницах книги автор не раз вспоминает программный лозунг Института изучения национальной специфики — «использовать

знания для народа, с помощью знаний служить государству» (*чжиши вэй минь, чжиши бао го*).

Ученый заявил, что мозговые центры китайских университетов призваны выполнять роль соединяющего моста по трем направлениям. Во-первых, они служат мостом между научными и политическими кругами, предоставляют властям новые идеи и стратегические подходы, участвуют в обсуждении конкретных политических решений. Во-вторых, они соединяют политические круги с обществом, когда разъясняют обществу политику руководства и доводят до властей информацию о чаяниях общества. В-третьих, мозговые центры наводят мосты между Китаем и внешним миром, они представляют страну иностранцам, ведут с ними диалог (С. 23).

Концепция «мозгового центра нового типа» предполагает работу не только на внутреннем, но и на внешнем направлении. Повсеместное признание китайскими экспертами и властями недостаточности «мягкой силы» Китая трансформировалось в требование создавать «мозговые центры» с мировым авторитетом. Ху Аньган признал, что «в международном изучении современного Китая китайским ученым недостает права голоса, у них также нет обладающих влиянием научно-исследовательских структур» (С. 18). Одновременно мозговым центрам приходится бороться за «право голоса» внутри страны, где формируется общество со сложной структурой и многообразными идеями, зачастую сталкивающимися между собой.

По мнению автора книги, низкие позиции китайских структур в мировых рейтингах мозговых центров нельзя расценивать как негативную оценку их аналитической продукции. «Если смотреть в целом, то мы уступаем ведущим мировым мозговым центрам. Однако в исследовании проблем Китая совсем не нужно суеверно поклоняться западным мозговым центрам, мы являемся их соперниками в конкуренции, видим проблемы более четко, а они в своих суждениях о Китае и прогнозах будущего зачастую делают ошибку за ошибкой, ошибки появляются сотнями» (С. 42–43). Ху Аньган обвинил иностранцев в чрезмерном консерватизме в оценке экономических перспектив развития Китая, отметив, что сформулированные в прошлом западными исследователями прогно-

зы сильно отстали от нынешней реальности. У иностранцев следует продолжать учиться, и вместе с тем с ними нужно соперничать за «право слова» в обсуждении проблем современного Китая — ведь именно в этой сфере китайские исследователи имеют больше всего шансов продемонстрировать свои успехи зарубежным китаеведам.

Три основных раздела книги Ху Аньгана посвящены связи изучения национальной специфики с работой по развитию мозговых центров, современным китаеведением и подготовкой исследовательских кадров. В работе собраны многочисленные статьи, заметки и выступления ученого в СМИ. Ряд фрагментов носит автобиографический оттенок — автор вспоминает о детстве во времена «культурной революции», о своем стремлении к знаниям, шагах становления в качестве специалиста по проблемам современного Китая. Зарубежному читателю могут быть интересны, к примеру, рассказы Ху Аньгана о вкладе его центра в подготовку государственных планов пятилетнего развития.

Ученый поведал, что созданная при его участии книга «2030 Китай: шаги к совместному процветанию»³ появилась в процессе интеллектуального соперничества с группой экспертов Всемирного Банка, готовившей доклад «Китай 2030». По мнению Ху Аньгана, ключевыми особенностями работы «2030 Китай» стали выделение «всеобщего процветания» в качестве главной проблемы развития страны на ближайшие два десятилетия и предложение поработать над созданием к 2030 г. «мира великого единения» (*датун шицзе*). Он отметил, что одним из источников этой идеи выступает китайская традиционная культура — утопический идеал *датун* возник в древнем конфуцианстве. В современных условиях «мир великого единения» означает создание в Китае общества совместного процветания, уменьшение разрывов в уровне благосостояния между регионами и социальными слоями, совместное процветание Китая и мира, а также восстановление экологического баланса в отношениях человека и природы.

С другой стороны, источником научно-методологического вдохновения Ху Аньган назвал наследие Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Автор указывает, что созданные ими «иннова-

ции воззрений» (*гуаньнянь чуансинь*) коренным образом изменили Китай: «Товарищ Мао Цзэдун является подлинным создателем и великим учителем исследования национальной специфики» (С. 61). Этот тезис занимает в книге заметное место, автор уделяет большое внимание проблемам изучения социальных противоречий и отношений в духе произведений Мао, часто вспоминает о его работе «Десять важнейших взаимоотношений».

Обращаясь к занявшему ныне центральное место в официальной идеологии лозунгу «китайской мечты», Ху Аньган называет Мао Цзэдуна первым создателем «китайской мечты». В 1956 г. она заключалась в стремлении превзойти США по производству стали за 60 лет, т.е. к 2016 г. По мнению исследователя, это было стратегическое предвидение. Мао исходил из того, что у Китая есть все предпосылки обогнать Америку — большая территория с запасами природных ресурсов, многочисленное население, а также более прогрессивный социалистический строй. Последующие нереалистичные заявления китайских властей о планах обогнать США за 15 лет, звучавшие в период «великого скачка», ученый объяснил влиянием на Мао Цзэдуна схожих планов советского лидера Н.С. Хрущева.

Ху Аньган смотрит в будущее Китая с оптимизмом⁴. Он полагает, что к 2030 г. ВВП страны будет в 2–2,2 раза выше, чем у США. В этом контексте ученый пояснил понятие «новая сверхдержава», которое вошло в название его работы, изданной не только в Китае, но и в Америке⁵. По его словам, это не дефиниция, а сочетание двух взаимно соприкасающихся характеристик. Прежде всего, если мы считаем США сверхдержавой, то после того, как Китай в недалеком будущем превзойдет Америку, данная характеристика будет относиться и к Китаю, «от этого не уйти» (С. 191). При этом другой важной характеристикой является «новизна» — Китай будет зрелой, разумной, ответственной и опирающейся на добродетель сверхдержавой, не отвергающей чужое и способной принять его.

Знакомство с книгой приводит к мысли о том, что политика активного развития мозговых центров способна повлечь за собой перемены в интеллектуальной жизни Китая. Институционализация аналитической работы ведет к то-

му, что известность ярких «публичных интеллектуалов» начинает увядать, а на первое место выходят имена влиятельных мозговых центров. Поскольку эти центры (в том числе негосударственные) конкурируют за внимание к своей продукции со стороны властей, занятые в этих структурах исследователи неизбежно тяготеют к мейнстриму. Добровольная стабилизация и консолидация интеллектуального пространства ведет к тому, что грань между «левыми» и «правыми» начинает размываться, на первое место выходит качество профессиональной деятельности, помноженное на способность продемонстрировать достоинства своей работы основному заказчику в лице государства.

Второе наблюдение связано с тем, что в книге неоднократно приводятся исчислимые показатели успешности исследователя — частота цитирования в базе китайских научных публикаций CNKI (China National Knowledge Infrastructure, кит.: *Чжунго чжэиван*), индекс Хирша, количество скачиваний авторских мате-

риалов из CNKI. В современной России в процессе реформы науки и образования этим сюжетам уделяется большое внимание. Китайский пример в изложении Ху Аньгана (по версии журнала «Жэньминь луньтань» ученый вошел в десятку крупнейших современных мыслителей Китая 2013 г.) подтверждает важность развития национальной наукометрии. Вместе с тем, он показывает, что влияние работы мозговых центров на формирование национальной стратегии не связано с индивидуальным уровнем присутствия их сотрудников в западных индексах. Это не означает курса на самоизоляцию, ученый не раз говорит о важности перевода исследований на иностранные языки и продвижения этих книг за рубежом. Дело это весьма затратное и трудоемкое. Но поставленная китайскими властями задача наращивания «мягкой силы» мозговых центров целенаправленно ориентирует ученых на увеличение влияния китайских идей на зарубежную аудиторию — и обещает им поддержку в этой работе.

*А. Ломанов,
доктор исторических наук*

1. *Борох О., Ломанов А.* Ху Аньган — почетный доктор ИДВ РАН // Пробл. Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 161–162.
2. Чжунгун чжунъян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин [Постановление ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 30.
3. *Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Синь.* 2030 Чжунго: майсян гунтун фууюй [2030 Китай: шаги к совместному процветанию]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. Подробнее о прогнозе Ху Аньгана на фоне других оценок развития Китая см.: *Портяков В.Я.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // Пробл. Дальнего Востока. 2013. №2. С. 57–66.
4. См., например: *Ху Аньган.* Разработка конечной цели основной стратегии Китая «богатый народ — сильное государство» // Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М.Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 60–79; *Ху Аньган.* Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Пробл. Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 34–57.
5. *Ху Аньган.* Чжунго 2020 — и гэ синь син чаоци даго [Китай 2020 — сверхдержава нового типа]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2012; *Hu Angang.* China in 2020: A New Type of Superpower. Washington: Brookings Institution, 2011.